

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 231–242

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 231–242

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-3-231-242>, EDN: BAQIPR

Научная статья
УДК 339.5:339.98

Торговые войны на новом этапе глобализации

Н. В. Найденова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Найденова Наталия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, nat.naid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0813-6191>

Аннотация. Введение. Транснационализация не только не способствовала сглаживанию противоречий между субъектами мировой экономики, но даже усложнила и обострила конкурентную борьбу вплоть до торговых войн. **Теоретический анализ.** Предыдущий этап глобализации характеризовался ростом вовлеченности стран в глобальные цепочки создания стоимости. Однако по мере снижения роли дешевого труда и сырья в создании стоимости начала проследиваться замедляющаяся динамика глобальной фрагментации производства. Крупнейшие мировые экспортеры – США и КНР – стали сокращать долю иностранной добавленной стоимости в экспортируемой продукции, что неизбежно привело к конфликту в форме торговой войны, означающей широкое использование ограничительных и стимулирующих мер протекционистской политики. **Эмпирический анализ.** Высокие темпы экономического роста и повышение международной конкурентоспособности КНР привело к значительному повышению ее доли в общемировом экспорте, в том числе товаров информационно-коммуникационных технологий. Ускорение процесса цифровизации и формирование экосистем повлекло повышение темпов прироста мирового товарооборота коммерческих услуг, лидирующие позиции в котором заняли США и другие развитые экономики. За последнее десятилетие отставание развивающихся стран в торговле программными услугами увеличилось. **Результаты.** Среди характерных особенностей нового этапа глобализации, обостряющих противоречия мировой экономики и приводящих к торговым войнам, следует выделить: структурные диспропорции между США и крупными участниками мировой торговли, сложившиеся по объективным причинам в результате доминирования сектора услуг в структуре экономики США; трансформацию глобальных цепочек создания стоимости товаров в глобальные цепочки создания стоимости услуг под влиянием роботизации, снижения роли дешевого труда как конкурентного преимущества; усложнение конкурентной борьбы в сфере защиты интеллектуальной собственности, оказания программных услуг, услуг по научным исследованиям и разработкам.

Ключевые слова: торговая война, структурные сдвиги мировой торговли, мировая торговля коммерческими услугами, американо-китайское противостояние, протекционизм, система разрешения споров ВТО, глобальные цепочки создания стоимости, новый этап глобализации, технологическая гегемония

Для цитирования: Найденова Н. В. Торговые войны на новом этапе глобализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 231–242. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-3-231-242>, EDN: BAQIPR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Trade wars in the new stage of globalization

N. V. Naidenova

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Natalia V. Naidenova, nat.naid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0813-6191>

Abstract. Introduction. Transnationalization did not contribute to smoothing out contradictions between the subjects of global economy; it complicated and intensified the competitive struggle, even leading to trade wars. **Theoretical analysis.** The previous stage of globalization was characterized by the growing involvement of countries in global value chains. However, as the role of cheap labor and raw materials in value creation declined, a slowing trend in global fragmentation of production began to be observed. The world's largest exporters – the United States and China – began to reduce the share of foreign added value in exported products, which inevitably led to a conflict in the form of a trade war, meaning the widespread use of restrictive and stimulating measures of protectionist policy. **Empirical analysis.** China's high economic growth and increased international competitiveness have led to a significant increase in its share of global exports, including information and communication technologies goods. Acceleration of digitalization and the formation of ecosystems have led to an increase in the growth rate of global trade in commercial services, with the United States and other developed economies taking the lead. Over the past decade, developing countries have become more lag-free in software services trade. **Results.** Among the characteristic features of the new stage of globalization, which exacerbate the contradictions of the world economy and lead to trade wars, it is necessary to highlight: structural imbalances between the USA and major

participants in world trade, which have developed for objective reasons as a result of the dominance of the services sector in the structure of the US economy; the transformation of global chains of value creation of goods into global chains of value creation of services under the influence of robotization, the reduction of the role of cheap labor as a competitive advantage; the complication of competition in the sphere of intellectual property protection, the provision of software services, and research and development services.

Keywords: trade war, structural shifts in world trade, world trade in commercial services, US-China standoff, protectionism, WTO dispute settlement system, global value chains, new stage of globalization, technological hegemony

For citation: Naidenova N. V. Trade wars in the new stage of globalization. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 231–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-3-231-242>, EDN: BAQIPR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сложное переплетение экономических и политических интересов крупнейших субъектов мирового хозяйства в эпоху транснационализации не способствовало устранению конкурентной борьбы, а усложнило ее, сделало более жесткой и разрушительной. Один из способов этой борьбы, применяемый в период обострения, – торговые войны, которые известны не первое столетие, и их начало является тревожным сигналом для всей системы международных экономических отношений.

Теоретическим и прикладным аспектам исследования проблемы торговых войн и международных экономических конфликтов, количественной оценке последствий торговых войн посвящены работы В. В. Михеева, С. А. Луконина, Р. А. Варфаловской, С. Пака, В. Л. Макарова, А. Р. Бахтизина, А. Л. Машковой, В. А. Семененко [1–6]. Значительный вклад в изучение процесса глобализации внесли российские ученые: Е. Ф. Авдокушин, М. Г. Деягин, С. И. Долгов, Ю. А. Савинов, В. Л. Иноземцев [7–10].

За минувшее десятилетие условия международной конкуренции значительно трансформировались: доля международной торговли к ВВП, объемы прямых иностранных инвестиций сокращались, расширение глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) замедлилось, в торговых отношениях нарастал протекционизм. Новый этап глобализации непосредственно отразился на гегемонистской политике США, главным негативным фактором которой стала их ответная реакция на внешние шоки.

Теоретический анализ

Торговая война между странами предполагает использование в международных экономических отношениях мер, ограничивающих доступ иностранных товаров и услуг на внутренний рынок, с одновременным приме-

нием мер стимулирования национального производства и экспорта – иными словами, отказ от проведения политики свободной торговли и широкое использование ограничительных и стимулирующих мер протекционистской политики.

Предыдущий этап глобализации характеризовался высоким спросом на неравномерно распределенные производственные факторы и расширением объемов международной торговли и других международных экономических отношений, развитием ГЦСС. Фрагментация производственных процессов и их размещение в разных странах в результате встраивания в ГЦСС привела к существенному увеличению количества экспортно-импортных операций. В результате возникли трудности с определением объемов мировой торговли конечной продукции, поскольку валовые показатели уже не отражали объективную картину. Появилась необходимость измерения торговли в показателях добавленной стоимости, объем которой, в свою очередь, стал непосредственно зависеть от положения звеньев в ГЦСС. Наибольшая добавленная стоимость – в тех звеньях ГЦСС (верхняя часть «улыбки Ши»), которые заняты «связанными услугами» (разработка проекта, проведение НИОКР, маркетинг, послепродажное обслуживание и др.). Для этих звеньев была характерна незначительная конкуренция и извлечение высокой прибыли. Звенья, связанные с производством продукции, приносили меньшую добавленную стоимость. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям и широкому распространению Интернета значительная часть экономической деятельности, преимущественно связанной с информационными потоками, движением капитала, банковским делом, образованием, переместилась в виртуальное пространство, создала возможности распространения информации о технологиях, продвижения и продажи товаров на глобальном рынке

[11, с. 30]. Вместе с тем неравномерные выгоды, получаемые от международного экономического сотрудничества, обостряли противоречия интересов его участников и стали угрозой прежним формам международной экономической интеграции¹.

В отличие от предыдущих этапов глобализации, когда участники международной торговли были максимально заинтересованы в доступе на внешние рынки и отсутствии ограничений на импорт, с развитием ГЦСС особое значение приобрели возможности различных форм ограничений экспорта, которые могли тормозить движение важных ресурсов для ГЦСС, увеличивая издержки и сокращая предложение. На смену «классической» глобализации, предполагающей в основном активность одной стороны (развитые экономики) и пассивность другой (развивающиеся экономики), пришел этап «глокализации», с более востребованной локальной спецификой [7, с. 101–102].

Происходящие изменения требовали новых подходов к регулированию международной торговли товарами и услугами, предполагающие защиту содержащейся в них интеллектуальной собственности [12], сокращения мер тарифного регулирования при одновременном увеличении применения нетарифных мер. В мировой экономике начиная с 1990-х гг. наблюдалась постепенная трансформация правил международной торговли и трансграничных инвестиций. Изучение и прогнозирование процессов мировой экономики затруднено в связи с несовершенством многих показателей международной статистики и методик их расчета [13, с. 79]. Роль традиционных механизмов глобального регулирования в рамках ВТО стала снижаться, усилились тенденции к росту числа и масштабов преференциальных торговых соглашений (ПТС), возрастанию роли механизмов внутреннего регулирования.

После Уругвайского раунда переговоров в рамках ВТО в 1994 г. стало очевидным, что процесс либерализации международной торговли затормозился, а деятельность организации зашла в тупик. Международная торговля все больше становилась не многосторонней, а преференциальной. Многие нормы, включаемые в ПТС, выходят за рамки обязательств, принимаемых странами при присоединении к

ВТО. Помимо традиционного снижения тарифов, ПТС охватывают аспекты регулирования инвестиций, конкурентной политики, защиты прав интеллектуальной собственности, охраны окружающей среды и др. [14, с. 34]. Наряду с этими аспектами ПТС последних лет могут включать вопросы, не охватываемые практикой ВТО, в их числе, например, визовое сотрудничество, обязательства стран в сфере взаимной миграции.

Таким образом, период конца XX – начала XXI вв. характеризовался ростом вовлеченности стран в ГЦСС. Однако по мере снижения роли дешевого труда и сырья в создании стоимости темпы роста количественных показателей мировой экономики стали снижаться. С началом второго десятилетия XXI в. производственные цепочки стали перестраиваться, ориентируясь на качество продукции, ее близость к потребителю, а не на дешевый труд и сырье. Начала проследиваться замедляющаяся динамика глобальной фрагментации производства в результате снижения обратного участия в ГЦСС крупнейших мировых экспортеров, прежде всего КНР и США, сокращающих долю иностранной добавленной стоимости в экспортируемой продукции. Одной из причин фрагментации мировой экономики стал «технологический раскол» – преодоление технологической зависимости США и КНР друг от друга и конкурентная борьба на рынке технологий [15, с. 11–12]. Учитывая огромный взаимный товарооборот этих стран, это неизбежно привело к конфликту, последствия которого отражаются на состоянии всей мировой экономики.

«Горячую фазу» американо-китайского противостояния инициировал президент Д. Трамп, объявивший в конце 2017 г. торговую войну КНР. После введения США 25%-й пошлины на ряд китайских товаров, КНР, обвинив США в протекционизме, ответила зеркальным повышением тарифов на 659 наименований товаров, импортируемых из США, при этом снизив пошлины на некоторые потребительские товары для других стран. Следуя рекомендациям ВТО и придерживаясь принципа MFN, КНР с 1 июля 2018 г. понизила среднюю ставку импортной пошлины на 1,4 тыс. наименований товаров (в том числе бытовую технику, продукты питания, напитки, косметику, медицинские препараты) с 15,7 до 6,9% и отменила тарифы для 210 наименований товаров. Пошлины на импорт автомобилей уменьшились с 20–25 до

¹ Проявление этих противоречий – конфликты в ЕС, НАФТА (с 2020 г. USMCA).

15%; на запасные части – с 8–25 до 6%². С протекционистской политикой Д. Трампа также столкнулся крупнейший в мире поставщик телекоммуникационных услуг и мобильных телефонов – китайская компания «ZTE». Американские власти обвинили ее в поставках Ирану и КНДР продукции, содержащей комплектующие производства США, и оштрафовали на 1,19 млрд долл. за обход экономических санкций в отношении этих стран и нарушение экспортного контроля. В конце 2018 г. в Канаде по запросу США была арестована финансовый директор китайской компании «Huawei» по обвинению в нарушении эмбарго на поставку телекоммуникационного оборудования в Иран.

Развязав торговую войну с КНР, США не ограничились протекционистскими мерами, расшатывающими нормы ВТО, и использовали весь арсенал имеющихся в их распоряжении средств, позволяющих воздействовать на работоспособность важнейшего для формирующейся системы глобального управления органа – систему разрешения торговых споров ВТО [16, с. 8]. В августе 2018 г. китайская сторона обратилась в Совет по урегулированию споров (DSB) ВТО с иском о введении американских ограничительных пошлин. Арбитры ВТО пришли к выводу, что повышение американских таможенных пошлин на импорт ряда товаров из КНР на сумму 234 млрд долл. было необоснованным и противоречащим правилам международной торговли. Однако в связи с подачей США апелляции на решение арбитров ВТО по иску КНР оно не могло вступить в силу до рассмотрения ее апелляционной инстанцией ВТО и принятия соглашения об урегулировании спора. Параллельно с подачей апелляции США наложили вето на назначение новых судей в Высший апелляционный орган ВТО, срок полномочий которых истек в декабре 2019 г., аргументируя свою позицию необходимостью кардинальной реформы системы разрешения споров в ВТО. По мнению США, деятельность Высшего апелляционного органа ВТО, порой принимающего решения за рамками правил этой международной организации, выходит за пределы полномочий, создает для стран-членов непредусмотренные действующими соглашениями ВТО права или обязательства. По существу, США остановили работу апелляционной

инстанции ВТО, без которой решения Совета по урегулированию споров становятся недействительными. В ситуации, подобной той, в которой находится КНР и другие страны, участвующие в спорах ВТО, оказалась и Российская Федерация в споре против Европейского союза по Третьему энергетическому пакету (DS476).

Декларируя необходимость борьбы с протекционизмом, администрация Д. Байдена принятием в 2022 г. «Закона о создании полезных стимулов для производства полупроводников (CHIPS) и науки» продолжила агрессивную торговую политику Д. Трампа. Преследуя цель замедления технологического роста КНР и устранения ее в качестве основного конкурента глобальной экосистемы, правительство США объявило производство полупроводников «новой нефтью» и поставило задачу покончить с зависимостью страны от импорта из «недружественных» государств и обеспечить начало и окончание ГЦСС в США. Для реализации этой цели предусматривались такие меры, как предоставление законом «CHIPS» субсидий в размере 52,7 млрд долл. для стимулирования производства и разработок полупроводников в США; экспортные ограничения; налоговые льготы; субсидии для высокотехнологичных компаний, увеличивающих расходы на НИОКР и коммерциализацию их результатов; диверсификацию каналов закупок редкоземельных металлов и материалов; стимулирование импортозамещения, в том числе за счет возврата рабочих мест и технологических объектов из развивающихся экономик обратно в США (решоринг) или страны-союзники (френдшоринг). Американская администрация не погнушалась использованием таких методов недобросовестной конкуренции, как организация вместе с союзниками международной блокады технологического сектора КНР; принуждение союзников, несмотря на их финансовые потери от разрыва экономических отношений с КНР, к формированию антикитайских ГЦСС. Германия, Нидерланды, Япония и Тайвань под давлением США приняли решения ввести ограничения на экспорт в КНР. Таким образом, американские власти, используя те нерыночные способы конкурентной борьбы, за применение которых они на протяжении десятилетий порицали КНР. И хотя в ходе первого этапа торговой войны США с КНР спад двусторонней торговли не был значительным ни по объемам, ни по

² Китай снижает импортные пошлины на автомобили // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20180701/1523717619.html> (дата обращения: 02.02.2025).

продолжительности, возросшая в результате неопределенность торговой политики стала очень серьезным долгосрочным последствием [17, с. 17].

За время функционирования ВТО важную роль в обеспечении справедливых условий международной торговли и поддержании ее стабильности выполнял режим MFN ВТО. Однако, как уже подчеркивалось, в последние десятилетия наблюдаются отклонение от режима MFN и рост двусторонних и региональных торговых соглашений, предоставляющих более благоприятный тарифный режим конкретным партнерам. Но, несмотря на нарастание применения, особенно крупными участниками международной торговли, защитных мер в форме антидемпинговых (AD) и компенсационных (CV) пошлин, дополнительных пошлин США и КНР, в 2022 г. доля мировой торговли товарами в рамках MFN оставалась высокой и составляла, по данным экспертов ВТО, 83%. В США в 2022 г. 52% импортируемых товаров не облагались пошлинами, 30% – подлежали обложению пошлинами в режиме MFN, 18% – на основе преференциальных торговых соглашений [18, р. 17–18]. Полностью режим MFN используют Сингапур и Гонконг, не применяющие импортные пошлины. Импорт США из КНР, подпадающий под действие дополнительных пошлин, в 2022 г. составлял 52% общего объема импорта китайской продукции стоимостью 266 млрд долл. В двусторонней торговле это внушительный объем. Однако в мировом масштабе он составил всего 1,3% от общемирового объема импорта. Импорт КНР из США, на который распространялись дополнительные пошлины, охватывал в 2022 г. 73% ввозимой американской продукции стоимостью 128 млрд долл., что соответствовало 0,6% общемирового объема импорта [18, р. 16]. Введение дополнительных пошлин на импорт из КНР Управление торговой и производственной политики Белого дома называло «чисто оборонительными мерами», вызванными необходимостью сокращения дефицита внешнеторгового баланса. Но причины разворачивающейся двусторонней торговой войны, особенно агрессивной борьбы против китайских высокотехнологичных компаний, намного глубже. Прежде всего, они связаны со стратегической целью США: сохранить роль гегемона мировой экономики и не просто опережать конкурентов, а глобально доминировать в сфере инноваций и инновационных технологий.

После избрания на второй президентский срок Д. Трамп продолжил торговую войну с КНР введением 10% адвалорного тарифа в отношении всех статей импорта китайских товаров, применяемого дополнительно ко всем действующим пошлинам. Ответной протекционистской мерой КНР стало введение импортных пошлин на 80 наименований товаров США, в том числе 15% пошлины на сжиженный природный газ и уголь, 10% – на сырую нефть, автомобили с определенными характеристиками [19]. Выбрав рациональную внешнеторговую стратегию, Китай не стал вводить пошлины на промежуточные товары и компоненты, сокращая тем самым экономические потери. Но учитывая американскую стратегическую цель снижения взаимозависимости экономик США и КНР, определенно продолжится торговая война между ними.

Применение ограничительных и стимулирующих протекционистских мер оправданно в специфических ситуациях, например, для защиты вновь открывающихся производств на фоне структурных изменений или отраслей, обеспечивающих национальную безопасность. Однако и в этих ситуациях с учетом побочных эффектов и потенциальных рисков применение протекционистских мер не должно носить долгосрочного характера. В числе побочных эффектов наиболее значительный – повышение темпов роста цен из-за увеличения пошлин.

В краткосрочном периоде страна, инициирующая торговую войну и использующая систему протекционистских мер в отношении своих торговых партнеров, может добиться от них уступок без побочных эффектов, но лишь при условии неглубоких противоречий между ними и в случае, если масштабы взаимных экономических связей невелики. При других условиях агрессивный протекционизм будет вызывать значительные ответные меры, приведет к торговой войне, наносящей ущерб всем сторонам. В долгосрочном периоде побочные эффекты и риски применения ограничительных протекционистских мер всегда слишком высоки.

Эмпирический анализ

Один из важных индикаторов глобализационного взаимодействия – высокие среднегодовые темпы прироста мирового экспорта и импорта товаров – наблюдался в 1992–1995 гг. (11,3–10,58%) и 2000–2005 гг. (11,44–11,31%).

Затем наметилась тенденция к замедлению прироста международной торговли, побудившая к рассуждениям о закате глобализации. Однако возвращение среднегодовых темпов прироста мирового экспорта и импорта товаров в 2020–2023 гг. к уровню 2000–2005 гг. опровергает устойчивость тренда деглобализации и, скорее, свидетельствует о новом этапе глобализации.

Важной особенностью нового этапа глобализации стали структурные диспропорции в международной торговле товарами и услугами. Залогом экономического процветания экономически развитых стран и одним из главных источников их доходов стало развитие сферы услуг, особенно наукоемких и дорогостоящих, способствующих как росту уровня жизни, так и ресурсной и экологической безопасности [20, с. 46].

Мировая экономика с 2002 по 2008 г. характеризовалась более высокими темпами прироста мировой торговли товарами и услугами относительно темпов прироста мирового ВВП. Годы с

2012-го по 2016-й можно отметить как период сближения темпов прироста мирового ВВП и темпов прироста международной торговли товарами и услугами. После пандемии темпы прироста международной торговли товарами и услугами вновь стали опережать темпы прироста ВВП, достигнув уровня 2010 г. В 2021 г. темпы прироста мирового ВВП составляли 6,4%, превысив уровень 2010 г. на 1,9 п.п. Но в 2023 г. темпы прироста мирового ВВП снизились до 2,8%, а мировая торговля товарами и услугами выросла на символические 0,3% по импорту и 0,9% по экспорту.

С 2000 по 2023 г. существенно изменилось соотношение сил между лидерами в международной торговле и товарами и услугами. У КНР очень значительно выросли доли в общемировом экспорте и импорте товаров (на 10,27 и 7,15 п.п. соответственно), а также в экспорте и импорте товаров ИКТ (на 4,9 и 1,9 п.п. соответственно). В то же время доли США и Германии снизились (табл. 1). Доля США в общемировом

Таблица 1 / Table 1

Изменение соотношения сил между лидерами мировой торговли товарами и услугами в 2023 г. по сравнению с 2000 г.: РФ на фоне КНР, США, Германии

Change in the balance of power between the leaders of world trade in goods and services in 2023 compared to 2000: Russia against the background of China, the USA, Germany

Показатель	КНР		США		Германия		РФ	
	2000	2023	2000	2023	2000	2023	2000	2023
Торговля товарами								
Доля в общемировом экспорте товаров, %	3,84	14,12	12,05	8,44	8,50	7,19	1,62	1,77
Доля в общемировом импорте товаров, %	3,37	10,52	18,89	13,03	7,45	6,08	0,67	1,25
Торговля товарами, % ВВП	39,2	33,4	19,9	18,7	53,3	70,6	57,7	36,0
Экспорт высокотехнологичной продукции (% от экспорта промышленной продукции)	30*	27	30*	22	15*	18	7*	10**
Экспорт товаров ИКТ (% от общего экспорта товаров)	17,7	22,6***	20,1	7,8***	8,4	4,8***	0,4	0,5**
Импорт товаров ИКТ (% от общего импорта товаров)	20,2	22,1***	17,7	13,0***	11,6	7,5***	3,7	10,0**
Торговля услугами								
Доля в общемировом экспорте коммерческих услуг, %	4,70	4,2	17,30	12,63	4,67	5,43	0,68	0,51
Доля в общемировом импорте коммерческих услуг, %	2,26	7,40	12,9	9,95	8,42	7,04	1,02	1,04
Торговля услугами, % ВВП	9,5	4,9	5,1	6,4	11,1	21,1	10,6	5,8
Экспорт услуг ИКТ (% от экспорта услуг, платежный баланс)	2,2	17,5	4,1	6,9	6,2	10,9	3,9	7,0

Примечание. * – данные за 2007 г., ** – данные за 2021 г., *** – данные за 2022 г. Сост. по: Группа Всемирного банка. Открытые данные. Индикаторы. URL: <https://data.worldbank.org/indicator?tab=all> (дата обращения: 02.02.2025).

Note. * – data for 2007, ** – data for 2021, *** – data for 2022. Compiled according to: World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator?tab=all> (accessed February 2, 2025).

экспорте товаров снизилась с 12,05 до 8,44%, в общемировом импорте – с 18,89 до 13,03%, в том числе в импорте товаров ИКТ с 17,7 до 13,0%. Наиболее значительное снижение среди шести рассматриваемых показателей, характеризующих изменения в международной торговле товарами, произошло у США в экспорте товаров ИКТ и составило 12,7 п.п. Доля Германии в общемировом экспорте и импорте товаров снизилась меньше – на 1,31 и 1,37 п.п. соответственно. Наиболее значительное снижение произошло в импорте товаров ИКТ: на 4 п.п. Вместе с тем, если у КНР и США доли торговли товарами в ВВП и экспорта высокотехнологичной продукции в экспорте промышленной продукции снизились, то у Германии оба эти показателя выросли. Шесть показателей, характеризующих изменение места РФ в международной торговле товарами, выглядят очень скромно на фоне лидеров, однако имели положительную динамику, за исключением доли торговли в ВВП, которая сократилась с 57,7 до 36,0%.

У анализируемых участников международной торговли, за исключением Германии, доля в общемировом экспорте коммерческих услуг снизилась. Наиболее значительно – у США, на 4,67 п.п. Вместе с тем доля экспорта услуг ИКТ в общем экспорте услуг выросла у всех четырех стран. Самый существенный рост наблюдался в КНР, где данный показатель вырос с 2,2 до 17,7%. В общемировом импорте коммерческих услуг доли США и Германии сократились на 2,95 и 1,41 п.п. соответственно, доли КНР и РФ увеличились на 5,14 и 0,2 п.п. соответственно. В то же время доля торговли услугами в ВВП у КНР и РФ снизилась, у США и Германии выросла. Наибольший рост данного показателя отмечен у Германии: с 11,1 до 21,1%. Несмотря на снижение долей в общемировом экспорте и импорте коммерческих услуг, США сохраняет позиции мирового лидера по этим показателям.

За время статистических наблюдений торговли коммерческими услугами³, начатых

³ Коммерческие услуги классифицируются по следующим четырем основным категориям: услуги, связанные с товарами, транспортные услуги, туристические услуги и другие услуги. Другие услуги, в свою очередь, подразделяются на: строительные, страховые и пенсионные услуги, финансовые услуги, плату за использование интеллектуальной собственности, телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги, другие деловые услуги, личные, культурные и развлекательные услуги, государственные товары и услуги, а также услуги, не распределенные по категориям.

ЮНКТАД в 2005 г., темпы роста их экспорта и импорта превышали темпы роста мировой торговли товарами в 2007, 2012, 2013, 2014, 2016, 2019, 2022 и 2023 гг. В 2021 г. мировой экспорт товаров и коммерческих услуг увеличился на 26,35 и 20,3%; импорт товаров и коммерческих услуг – на 26,34 и 15,9% соответственно. Такой значительный рост можно объяснить эффектом низкой базы. В 2023 г. по сравнению с 2022 г. объем мирового экспорта товаров сократился с 25,02 до 23,93 трлн долл., импорта – с 25,74 до 24,33 трлн долл.⁴, и темпы прироста экспорта и импорта товаров ушли в отрицательную зону. В то же время экспорт и импорт коммерческих услуг продолжал рост с темпом 8,3 и 9,3% соответственно (рис. 1, 2).

Высокие темпы прироста экспорта и импорта коммерческих услуг, в составе которых телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги, а также плата за использование интеллектуальной собственности, отражали ускорение процесса цифровизации мировой экономики в предыдущем десятилетии и трансформацию ГЦСС-товаров в глобальные цепочки услуг. Лидирующие позиции в мировой торговле услугами занимали развитые экономики. В 2023 г. как в экспорте, так и в импорте коммерческих услуг со значительным отрывом лидировали США с долями 12,6 и 9,95% соответственно (табл. 2). В глобальном экспорте услуг вторую и третью позиции занимали Великобритания и Германия с объемами 578,58 и 437,23 млрд долл. соответственно. Объем экспорта услуг из КНР составил 330,56 млрд долл., что обеспечило 8-е место в глобальном рейтинге. Вместе с тем в 2023 г. КНР была крупнейшим мировым импортером услуг, занимая 2-е место с объемом 536,91 млрд долл. и долей 7,4%.

В 2023 г. доля развитых экономик в торговле всеми креативными услугами составляла 21,69% от общемирового объема, в то время как доля развивающихся экономик – 13,28%. Доли в мировой торговле услугами по исследованиям и разработкам составляли 7,52% у развитых и 1,94% у развивающихся экономик. В мировой торговле программными услугами отставание развивающихся экономик от развитых было меньше: их доли составляли 5,91 и 8,63% со-

⁴ Группа Всемирного банка. Открытые данные. Индикаторы. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.MRCH.CD.WT?view=chart> (дата обращения: 02.02.2025).

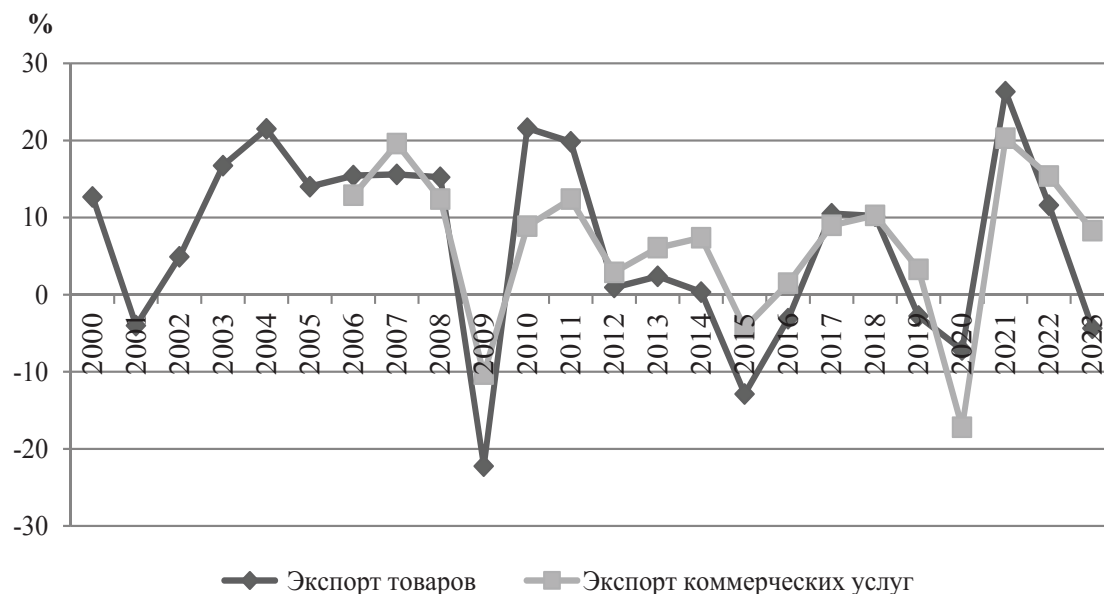

Рис. 1. Среднегодовые темпы прироста мирового экспорта товаров и коммерческих услуг в 2000–2023 гг. (информация по услугам не собиралась и не отражалась в статистических базах данных до 2005 г.). Сост. на основе данных ЮНКТАД; веб-сайт ООН по торговле и развитию. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchGR> ; <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeServCatTotal> (дата обращения: 02.02.2025)

Fig. 1. Average annual growth rate of world exports of goods and commercial services in 2000–2023 (information on services was not collected or reflected in statistical databases until 2005). Compiled based on UNCTAD data. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchGR> ; <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeServCatTotal> (accessed February 02, 2025)

Рис. 2. Среднегодовые темпы прироста мирового экспорта товаров и коммерческих услуг в 2000–2023 гг. (информация по услугам не собиралась и не отражалась в статистических базах данных до 2005 г.). Сост. на основе данных ЮНКТАД

Fig. 2. Average annual growth rate of world exports of goods and commercial services in 2000–2023 (information on services was not collected or reflected in statistical databases until 2005). Compiled based on UNCTAD data

Таблица 2 / Table 2

Рейтинг мировых лидеров глобальной торговли коммерческими услугами в 2023 г.*
Ranking of world leaders in global trade of commercial services in 2023*

Место	Страна	Объем экспорта коммерческих услуг, млрд долл.	Удельный вес в мировом экспорте услуг, %	Место	Объем импорта коммерческих услуг, млрд долл.	Удельный вес в мировом импорте услуг, %
1	США	993,53	12,60	1	722,68	9,95
2	Великобритания	578,58	7,35	5	362,98	5,00
3	Германия	437,23	5,56	3	510,82	7,04
4	Ирландия	431,12	5,48	4	418,56	5,77
5	Франция	368,12	4,68	6	331,46	4,57
6	Индия	336,92	4,28	10	177,32	2,44
7	Китай	330,56	4,20	2	536,91	7,40
8	Сингапур	327,70	4,16	7	295,25	4,07
9	Нидерланды	289,02	3,67	9	253,0	3,48
10	Япония	203,44	2,59	8	255,77	3,52
Мир		7,87 трлн	100	7,26 трлн		100

Примечание. Сост. по: Группа Всемирного банка. Открытые данные. Индикаторы. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.SERV.CD.WT?view=chart> (дата обращения: 02.02.2025).

Note. Compiled according to: World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.SERV.CD.WT?view=chart> (accessed February 2, 2025).

ответственно⁵. Вместе с тем динамика показателей за десятилетний период демонстрирует более высокие темпы роста доли развивающихся экономик в мировой торговле креативными услугами: она увеличилась на 5,31 п.п. против 4,73 п.п. у развитых экономик. И если соотношение долей развитых и развивающихся в торговле услугами по исследованиям и разработкам за анализируемый период изменилось незначительно, то отставание развивающихся экономик в торговле программными услугами увеличилось. Если в 2014 г. доля развитых экономик в общемировой торговле программными услугами превышала долю развивающихся экономик на 1,68 п.п., то к 2023 г. этот разрыв увеличился и составил 2,72 п.п.⁶

Таким образом, с 2000 по 2023 г. прослеживаются увеличивающиеся торговые диспропорции между США и другими странами. Они сформировались конкурентным путем вследствие многолетней деиндустриализации экономики США, ее финансиализации, структурной деформации в результате доминирования

сектора услуг. США, как и КНР, являются экономикой полного цикла с высоким уровнем конкурентоспособности, в том числе по энергетическим, финансовым, технологическим издержкам, и могут производить любую продукцию. Однако по инфраструктурным издержкам, связанным со строительством капитальных промышленных объектов, находясь примерно на одном уровне с ЕС и Канадой, США проигрывают КНР и Мексике. По издержкам на оплату труда конкурентоспособность у США низкая из-за высокой стоимости рабочей силы. Устранение этого барьера предполагает роботизацию производства, снижающую использование рабочей силы и издержки оплаты труда. По административным (бюрократическим) издержкам США имеет существенное преимущество перед ЕС, но проигрывает КНР и Мексике. Учитывая базовый принцип конкурентной борьбы – стремление к максимизации нормы прибыли, США в настоящее время производят лишь то, что можно эффективно масштабировать.

Не уловив новые тенденции в международном разделении труда, произошедшие за два минувших десятилетия, и особенно на рынках высокотехнологичной продукции,

⁵ ЮНКТАД: веб-сайт ООН по торговле и развитию. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.CreativeServ_Group_E (дата обращения: 02.02. 2025).

⁶ Там же.

американские ТНК продолжали концентрировать усилия на наиболее рентабельных звеньях ГЦСС: проектировании новых чипов, изготовлении самых передовых полупроводниковых продуктов и программного обеспечения для автоматизации производства. Массовое производство микросхем, используемых в том числе и в продукции оборонного назначения, было передано на аутсорсинг азиатским заводам. В результате, например, доля лидера американской полупроводниковой промышленности «Intel» в мировом производстве инновационных чипов за тридцать пять лет сократилась с 65 до 10%, в то время как доля тайваньской корпорации «TSMC» выросла до 53% [21].

Но еще более опасная угроза подстерегала американские ТНК не только на производственных, но и на ранее наиболее рентабельных звеньях ГЦСС: доходы на стадии проектирования микросхем стали снижаться. По мере широкого распространения цифровизации оказание услуг превратилось в «локомотив» ГЦСС. Важнейшей частью процесса создания добавленной стоимости и повышения производительности компании стало сотрудничество с клиентами, партнерами, подрядчиками, создание набора взаимосвязанных онлайн-сервисов, объединенных вокруг одного брэнда. Успех ГЦСС, специализирующихся на оказании услуг, все больше зависит от решения проблем в сфере кибербезопасности, преодоления цифрового неравенства, согласования вопросов защиты интеллектуальной собственности и др. [22, с. 20]. Также деятельность бизнес-экосистем предполагает необходимость оптимизации таможенных процедур, устранение тарифных и нетарифных барьеров, влияющих на торговлю промежуточными товарами. Иными словами, развитие ГЦСС все сильнее связано с экономической политикой государства.

Существенные структурные сдвиги мировой торговли были связаны с высокими темпами экономического роста КНР и развитием цифровизации, экосистем. В то время как некоторые позиции США слабели, КНР не только стала крупнейшим мировым производителем компьютеров, мобильных телефонов, полупроводников, но и превзошла большинство своих конкурентов в квантовых вычислениях, навигационных спутниковых системах, искусственном интеллекте. Нарастание международной конкурентоспособности КНР в про-

изводстве высокотехнологичной продукции и услуг противоречит стратегической цели США – достижению технологической гегемонии.

Агрессивные действия США в отношении китайских высокотехнологичных отраслей подталкивают правительство КНР к ответным мерам, и на смену рыночной конкуренции между компаниями этих стран пришла двусторонняя торговая война, торгово-экономическое и технологическое противостояние на государственном уровне. В первой фазе торговой войны США и КНР спад двусторонней торговли не был продолжительным и незначительным. Однако сегодня невозможно спрогнозировать дальнейшие изменения мировой торговли в связи с переходом в начале 2025 г. к следующей фазе этого противостояния. С одной стороны, КНР обладает конкурентным преимуществом в виде развитой производственной экосистемы, активно модернизируемой при государственной поддержке. Но с другой – инновационный потенциал КНР значительно слабее, чем у США. Торгово-экономическое противостояние усиливается в связи с прецедентом во внешнеэкономической политике, созданным в начале 2025 г. указами Д. Трампа о повышении импортных тарифов для КНР. Впервые в практике международных экономических отношений решение о введении тарифов юридически основывается на законе 1977 г. о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA), который является основанием для введения экономических санкций, в том числе в отношении России. Негативным следствием продолжения торговой войны стал рост средней ставки таможенных тарифов, ставшей самой высокой со времени Второй мировой войны.

Результаты

Среди характерных черт нового этапа глобализации, обостряющих противоречия в мировой экономике, можно выделить следующие.

1. Структурные диспропорции между США и крупными участниками мировой торговли (КНР, Германия), которые сложились по объективным причинам, сформированным в результате проведения США экономической политики: нацеленность на формирование структуры экономики с доминированием сектора услуг, приведшей к деиндустриализации и финансиализации их экономики.

2. Трансформация ГЦСС-товаров в ГЦСС-услуг под влиянием ускорения цифровизации и роботизации в мировой экономике, создания экосистем, снижения роли дешевого труда как конкурентного преимущества в применяемых факторах производства.

3. Экономические противоречия между развитыми и развивающимися экономиками, сохраняющиеся по причине лидирующих позиций развитых экономик в мировой торговле услугами и незначительных возможностей развивающихся экономик встраиваться в ГЦСС-услуг.

4. Усложнение конкурентной борьбы в сфере защиты интеллектуальной собственности, оказания программных услуг, услуг по научным исследованиям и разработкам.

Попытка разрешения противоречий, возникающих вследствие характерных особенностей нового этапа глобализации, предпринимается при помощи торговых войн, отрицательно влияющих на развитие мировой экономики.

Список литературы

1. Михеев В. В., Луконин С. А. Новая фаза развития Китая на фоне «торговой войны» с США // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 2. С. 56–65. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-56-65>
2. Варфаловская Р. А. Развитие внешней торговли Китая в условиях глобализации и «торговых войн» США // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 85–91. <https://doi.org/10.31857/S013128120002692-2>
3. Пак С. Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 2. С. 213–235. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-10>
4. Макаров В. Л., Ву Ц., Ву З., Хабриев Б. Р., Бахтизин А. Р. Мировые торговые войны: сценарные расчеты последствий // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 2. С. 169–179. <https://doi.org/10.31857/S0869587320020097>, EDN: DJZBGD
5. Машкова А. Л., Бахтизин А. Р. Оценка последствий глобальных торговых войн для мировых экономик: инструменты и прогнозы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 1 (62). С. 12–30. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_1_12-30, EDN: BLBZYD
6. Семененко В. А. Влияние отдельных торговых войн на глобальные международные отношения // Российский экономический вестник. 2021. Т. 4, № 4. С. 196–201. EDN: OWTIXG
7. Авдокушин Е. Ф. Некоторые особенности процесса глобализации мировой экономики // Глобализация и международная экономическая интеграция / под ред. Е. Ф. Авдокушина, В. С. Сизова. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2019. С. 100–111.
8. Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации : курс лекций. М. : ИНФРА-М, 2003. 768 с.
9. Долгов С. И., Савинов Ю. А. Глобализация: альтернативы нет // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 3–26. EDN: ZHAЕУТ
10. Иноземцев В. Л. Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего // Век глобализации. 2019. № 2 (30). С. 3–15. <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.02.01>
11. Колодко Г. В. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? М. : Магистр, 2012. 176 с.
12. Солдатенко Д. М. Регулирование международной торговли объектами интеллектуальной собственности в условиях глобальной экономики. Таллинн : EurAsian Scientific Editions OÜ ; М. : ИНФРА-М, 2020. 206 с. EDN: YZWJIT
13. Ворона И. Н. Особенности экономической глобализации в начале 2020-х гг. // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 3. С. 76–94. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-3-76-94>
14. Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А. Преференциальные торговые соглашения: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 5. С. 32–40. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-32-40>
15. Портанский А. П. Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 2. С. 7–20. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-01>
16. Задашвили В. С. Противоречия и конфликты в многосторонней торговой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 9. С. 5–14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-5-14>, EDN: SBRVDY
17. Варнавский В. Г. Мировая торговля: долгосрочные тренды и структурные сдвиги // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 51. С. 5–18. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-5-18>, EDN: DYKJNG
18. Gonciarz T., Verbeet T. Significance of most-favoured-nation terms in global trade: A comprehensive analysis // Staff Working Papers № ERSD-2025-02 15 January 2025, World Trade Organization Economic Research and Statistics Division. WTO, Geneva, 2025. 32 p.
19. Ткачев И., Виноградова Е. Новая торговая война США и Китая. Что это значит для России // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2025/67a2107c9a79476d800d61a4> (дата обращения: 10.02.2025).
20. Воронченко Т. В., Тришин А. С., Ветрук Е. Р. Сфера услуг: поиск выгодных тенденций в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 5. С. 38–47. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-5-38-47>
21. Metheny J. The U.S. Has a Microchip Problem. Safeguarding Taiwan Is the Solution // A. The Atlantic : [сайт]. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2022/10/taiwan-microchip-supply-chain-china/671615/> (дата обращения: 02.02.2025).

22. Мальцев А. А. Возможные контуры будущего глобальных цепочек создания стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 1. С. 10–25. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2025-1-10-25>

References

1. Mikheev V. V., Lukonin S. A. New stage in China's development amid the "trade war" with the U.S. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 2, pp. 56–65 (in Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-56-65>
2. Varfalovskaya R. A. Development of China's foreign trade in the context of globalization and "trade wars" of the USA. *Problems of the Far East*, 2018, iss. 6, pp. 85–91 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120002692-2>
3. Pak S.-C. Trade conflict between the U.S. and China: What are the impacts on the Chinese economy? *Bulletin of International Organizations*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 213–235 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-10>
4. Makarov V. L., Wu Ts., Wu Z., Khabriev B. R., Bakhtizin A. R. World trade wars: scenario calculations of consequences. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 2, pp. 169–179 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869587320020097>, EDN: DJZBGD
5. Mashkova A. L., Bakhtizin A. R. Assessing consequences of global trade wars for world economies: Tools and forecasts. *Journal of the New Economic Association*, 2024, no. 1 (62), pp. 12–30 (in Russian). https://doi.org/10.31737/22212264_2024_1_12-30, EDN: BLBZYD
6. Semenenko V. A. The impact of individual trade wars on global international relations. *Russian Economic Bulletin*, 2021, vol. 4, iss. 4, pp. 196–201 (in Russian). EDN: OWTIXG
7. Avdokushin E. F. Some Features of the Process of Globalization of the World Economy. In: *Globalizatsiya i mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya* [Avdokushin E. F., Sizov V. S. (eds.) Globalization and International Economic Integration]. Moscow, Magistr, INFRA-M, 2019, pp. 100–111 (in Russian).
8. Delyagin M. G. *Mirovoy krizis. Obshchaya teoriya globalizatsii: kurs lektsiy* [World crisis. General theory of globalization. Lecture course]. Moscow, INFRA-M, 2003. 768 p. (in Russian).
9. Dolgov S. I., Savinov Yu. A. Globalization: No alternative. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2017, no. 9, pp. 3–26 (in Russian). EDN: ZHAEYT
10. Inozemtsev V. L. Economy and policy of globalization: The lessons of the past for the present and future. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 2019, no. 2 (30), pp. 3–5 (in Russian). <https://doi.org/10.30884/vglob/2019.02.01>
11. Kolodko G. V. Globalization, transformation, crisis – what next? Moscow, Magistr, 2012. 176 p. (in Russian).
12. Soldatenko D. M. Regulation of international trade in intellectual property in the context of the global economy. Tallinn, EurAsian Scientific Editions OÜ; Moscow, INFRA-M, 2020. 208 p. (in Russian). EDN: YZWJIT
13. Vorona I. N. Features of economic globalization in the early 2020s. *Russian Foreign Economic Journal*, 2024, no. 3, pp. 76–94 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-3-76-94>
14. Smirnov E. N., Lukyanov S. A. International political economy of preferential trade agreements. *World Economy and International Relations*, 2022, vol. 66, no. 5, pp. 32–40 (in Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-32-40>
15. Portanskiy A. P. The risk of the global economy's fragmentation is growing. *International Organizations Research Journal*, 2024, vol. 19, no. 2, pp. 7–20 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-01>
16. Zagashvili V. S. Contradictions and conflicts in the multilateral trading system. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 9, pp. 5–14 (in Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-9-5-14>, EDN: SBRVDY
17. Varnavsky V. G. Global trade: Long-term trends and structural changes. *World Economy and International Relations*, 2024, vol. 68, no. 51, pp. 5–18 (in Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-5-18>, EDN: DYKJNG
18. Gonciarz T., Verbeet T. Significance of most-favoured-nation terms in global trade: A comprehensive analysis. *Staff Working Papers № ERSD-2025-02 15 January 2025, World Trade Organization Economic Research and Statistics Division*. WTO, Geneva, 2025. 32 p.
19. Tkachev I., Vinogradova E. New trade war between the USA and China. What does it mean for Russia. *RBC*. Site. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2025/67a2107c9a79476d800d61a4> (accessed February 10, 2025) (in Russian).
20. Voronchenko T. V., Trishin A. S., Vetruc E. R. Services sector: Searching for favourable trends in the global economy. *Russian Foreign Economic Journal*, 2024, no. 5, pp. 38–47 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-5-38-47>
21. Metheny J. The U.S. Has a Microchip Problem. Safeguarding Taiwan Is the Solution. *A. The Atlantic*. Site. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2022/10/taiwan-microchip-supply-chain-china/671615/> (accessed February 2, 2025).
22. Maltsev A. A. New contours of the future of global value chains. *Russian Foreign Economic Journal*, 2025, no. 1, pp. 10–25 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2025-1-10-25>

Поступила в редакцию 06.03.2025; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 20.03.2025; опубликована 29.08.2025
The article was submitted 06.03.2025; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 20.03.2025; published 29.08.2025